

Анна Фрейд

Взаимосвязь психоанализа и образования

Фрейд А. Взаимосвязь психоанализа и образования // Фрейд А. Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2004. С.467-476.

Не стоит требовать друг от друга слишком много. Вы должны понимать, что в четырех коротких лекциях я сумею изложить лишь важнейшие принципы дисциплины, требующей многолетнего изучения. Я, в свою очередь, не ожидаю, что вы запомните материал во всех подробностях. Мой пересказ необходимого материала был сжатым и, возможно, путаным. Не исключено, что вы запомните в лучшем случае три основные черты психоаналитического учения, знание которых поможет вам в работе.

Первая связана с хронологией. Как было сказано выше, психоанализ различает три различных периода в жизни ребенка: раннее детство вплоть до конца пятого года жизни, латентный период до начала отрочества, то есть одиннадцати, двенадцати или тринадцати лет, и само отрочество, ведущее к «взрослой» жизни. Каждый из этих периодов характеризуется различными эмоциональными реакциями ребенка на взрослый мир и различными уровнями развития инстинктов. По этой причине нельзя судить об особенностях поведения ребенка безотносительно той стадии развития на которой он находится.

Например, проявления жестокости или застенчивости, естественные в раннем детстве и в отрочестве, покажутся подозрительными, если будут замечены в латентный период, а во взрослом возрасте могут быть расценены как отклонения. Сильная привязанность к родителям, нормальная и желательная в первый период жизни и в латентный период, замеченная в конце отрочества, свидетельствует об отставании в развитии. Упорный протест против подчинения авторитету, который в подростковом возрасте способствует переходу в нормальную взрослость, может быть препятствием в развитии эго в раннем детстве и латентный период.

Второе суждение касается внутреннего строения личности ребенка. До настоящего времени каждый ребенок, с которым вы имели дело, представлялся вам «однородной личностью», а потому его поведение казалось крайне противоречивым, была ощутима разница между тем, что он хочет, и тем, что Он может, несоответствие его действий и намерений. Психоанализ утверждает, что личность ребенка состоит из трех частей: часть, отвечающая за инстинктивные проявления, разумное эго и суперэго, возникшее из взаимоотношений ребенка с родителями. Вы поймете причину противоречий в поведении ребенка, если вы станете расценивать различные реакции как выражения определенной части его существа, доминирующей в данный момент.

Третье суждение объясняет взаимодействие этих областей внутри ребенка. Они отнюдь не пребывают в состоянии покоя, а проявляют себя как враждующие между собой силы. Например, когда эго противостоит инстинктивному желанию, которое, как знает ребенок, не приветствуется родителями, исход конфликта зависит от мощности либидо, управляющего желаниями, в сравнении с энергией подавляющей силы, исходящей от суперэго.

Но боюсь, что даже эти три упрощенных и практически применимых принципа не дают вам всего, что вы надеялись получить от психоанализа. Вы, вероятно, ждете практического совета, а не дополнительных теоретических изысканий. Вы, очевидно, хотите знать, какие приемы воспитания наиболее рекомендуемы и каких следует избегать, если вы не желаете подвергнуть опасности развитие ребенка. Кроме того, вы хотите знать, должны ли мы, взрослые, чаще вмешиваться в жизнь ребенка и больше применять власть, чем раньше.

В ответ на этот вопрос должна сказать, что психоанализ до сих пор стоял за ограничение вмешательства воспитания, особо выделяя некоторые связанные с ним опасности. В этом контексте я напомним вам о тех путях, которыми ребенок приходит к выполнению требований взрослого мира, как он преодолевает свою первую эмоциональную привязанность путем самоотождествления с вызывающими любовь и страх взрослыми, как он избегает внешнего влияния, но тем временем вызывает внутри себя выделение области, смоделированной его родителями и продолжающей поддерживать их влияние. Это слияние с фигурой родителя является серьезным шагом, так как благодаря ему родительские запреты и требования ложатся в основу постоянных и неизменных принципов поведения ребенка, то есть образуется исторический остаток, который не в состоянии приспособиться к внешним условиям. Конечно, сами родители готовы обнаружить у тридцатилетнего человека те недостатки, от которых они пытались отучить трехлетнего. Но часть эго личности, являющееся остаточным явлением их требований и стандартов, не расположена к подобным изменениям; она неизменна.

Ниже я приведу примеры, иллюстрирующие эти суждения. Я вспоминаю мальчика, в раннем детстве обожавшего сладкое. Так как эту страсть было невозможно удовлетворить обычными методами, он шел на любые нарушения и ухищрения, чтобы добиться желаемого, тратил все свои карманные деньги на сладости и не придавал особого значения тому, каким образом были добыты дополнительные средства. В дело вмешались родители. Мальчику запретили есть сладкое, и его преданность матери, настаивавшей на таком запрете, сыграла свою роль. К удовлетворению старших он перестал жаждать сладкого. Но даже позже, будучи молодым человеком, обладавшим достаточным количеством денег, чтобы скупить все пирожные в кондитерском магазине, он не мог съесть плитку шоколада, не заливаясь густой краской. Наблюдавшие за ним были уверены в том, что он делает что-то запрещенное, как если бы он ел купленное на краденые деньги. Очевидно, что навязанное ему ранее ограничение не привело автоматически к изменению ситуации.

Вот другой пример, на этот раз еще более безобидный. Этот мальчик был особенно привязан к матери. Больше всего он желал занять место отца, стать ее, наперсником, защитником и самым любимым человеком. Неоднократно он убеждался в том, что отец на законных основаниях занимал то положение, к которому стремился он, что отец был властен в любой момент отослать его от матери, тем самым подчеркнув разницу между его детской беспомощностью и слабостью и несомненной силой отца. Позже, будучи подростком, этот юноша страдал от мучительной робости и ощущения ненадежности положения, стоило ему оказаться в одном доме с обожаемой им девушкой. Содержание этого страха состояло в том, что может появиться некто и заявить, что он занимает место, принадлежащее другому. Во избежание этих неловких ситуаций ему приходилось тратить массу энергии на то, чтобы найти доводы, которые могли бы правдоподобно объяснить факт его присутствия.

Или возьмем другой случай. Девочка получала необычайное удовольствие от своего обнаженного тела, демонстрировала его своим братьям и сестрам и, перед тем как идти спать, с удовольствием мелькала перед ними в голом виде. Это вызвало чрезмерные стыд и скромность, которые сопровождали ее на протяжении всей ее дальнейшей жизни. Когда встал вопрос выбора профессии, кто-то предложил ей работу; обязывающую ее делить комнату с соседками. Она без колебаний заявила, что это ей не подходит. За всеми ее на первый взгляд рациональными доводами скрывался страх раздеться в присутствии других. Выбор профессии оказался для нее менее важен, чем навязанный ей в детстве запрет,

Психоаналитик, чья терапевтическая работа состоит в снятии таких запретов и исправлении отклонений в развитии, не может не смотреть на образование критически. Здесь, он чувствует, взрослые действительно перестарались. Не лучше ли было бы

пожертвовать в чем-то этикетом и правилами приличия и разрешить первому ребенку есть сладкое, сколько он хочет, - второму — представлять себя на месте отца, третьей — голый разгуливать по комнатам, а четвертому, возможно, забавляться своими половыми органами? Неужели удовлетворение этих желаний привело бы к более неблагоприятным последствиям, чем те, которые были вызваны запретами? Чего добилось воспитание, так это разрушило личность ребенка, развило в нем внутренние конфликты, ограничило его способность любить, сделало его невосприимчивым к развлечениям и навязало ему ограничения в работе. Психолог, для которого все это очевидно, предпочитает, когда дело касается его детей, во избежание таких последствий оставить их в покое, чем воспитывать подобным образом. Он считает, что лучше пожертвовать послушанием ребенка, чем изувечить его личность.

Но я уверена, что вы поражены односторонностью моих взглядов. Самое время посмотреть на вопрос с другой стороны. Воспитание представится нам в совершенно ином свете, если вместо невротической подавленности взять во внимание другие аспекты, например, детские правонарушения, как это сделал Август Айхорн в своей книге «Своенравная молодость» (1925).

Обделенные вниманием или трудные дети, утверждает Айхорн, отказываются занимать свое место в обществе. Их инстинкты не тормозятся в должной мере; они не могут направить свою сексуальную энергию на другие цели, более ценимые обществом. Каждому, кому доводилось иметь дело с этими детьми, приходилось сожалеть о том, что воспитание в свое время не расставило внешние преграды, которые позднее сформировали бы внутренние стандарты.

Рассмотрим случай. Поведение этой восьмилетней девочки дома и в школе было одинаково невыносимым. Из каждого интерната она неизменно возвращалась к родителям через несколько дней. Она притворялась глупой и делала это так умело, что в нескольких местах ее признали умственно отсталой. В классе она ложилась на скамью и начинала мастурбировать, отвечая на любые попытки ее остановить вспышками гнева. Дома с ней обращались как с нездоровым ребенком, потому что это был единственный способ обращения с ней, который могли представить себе родители. Обследование психолога выявило две вещи. Внешние условия были особенно неблагоприятны для развития какой-либо эмоциональной связи между ребенком и окружающим миром. Никто не предложил ей любовь, которая в некотором смысле компенсировала бы ей удовлетворение, получаемое от собственного тела; никто не делал ей строгих выговоров, сдерживающее, влияние которых, как ожидали родители, достигнет своей цели. Девочка взрастила в себе настолько ярко выраженные мазохистские тенденции, что каждое наказание становилось просто еще одним стимулом для сексуальных ощущений и действий. Сравните этот случай отсутствия должного внимания со стороны родителей с описанными выше случаями подавления инстинктов. Ребенок также не стал свободным и уверенным в себе человеком, а превратился в запуганное существо, чье моральное развитие остановилось одновременно с умственным.

В своей книге «Своенравная молодость» Айхорн упоминает другой серьезный случай неправильного развития — случай мальчика, мать которого позволяла ему удовлетворять все свои сексуальные потребности начиная с шести лет, а после достижения им половой зрелости постоянно вступала с ним в интимные отношения. Таким образом, он в действительности пережил все то, о чем другие дети только мечтают. Но этот мальчик, ни в чем не знавший ограничений, конечно, не мог превратиться в уверенного в себе человека, стать полноценной сильной личностью.

В его развитии произошла «концентрация нервных процессов». Реализация его детских желаний избавила его от необходимости прохождения всего нелегкого пути взросления. Ему не нужно было становиться взрослым, чтобы получить права на

разрешенные мужчине удовольствия. Но за такое избавление он поплатился нарушением всего своего дальнейшего развития.

Однако вам может показаться, что проблема вовсе не так сложна; как я ее изобразила. Невротическая подавленность и нарушения поведения могут являться просто крайними случаями, демонстрирующими, с одной стороны, неблагоприятные последствия чрезмерного вмешательства, с другой — вред, нанесенный отсутствием запретов. Задача воспитания, основанного на аналитическом понимании, состоит в том, чтобы найти золотую середину между этими двумя крайностями, иначе говоря, найти для каждой стадии развития ребенка правильное соотношение между ограничением инстинктов и их удовлетворением.

Возможно, подробное описание этого нового, аналитического типа воспитания должно было составить содержание моих лекций. Но для этого еще слишком рано. Пока существует только небольшая группа взрослых — учителей и родителей, проанализировавших самих себя и ищущих возможности применения в педагогической практике того понимания, которое психоанализ внес в их жизнь. Может быть, известное нам и уже сделанное еще недостаточно для повсеместного применения психоаналитических принципов.

Тем не менее было бы несправедливым заключить, что психоанализу нечего предложить вам, кроме надежд на будущее, и что для занимающихся практической работой учителей нет необходимости в изучении психоанализа. Ответ на вопрос, может ли психоанализ чем-то помочь воспитанию, уже найден.

Надо сказать, что психоанализ уже добился трех вещей для этого. Во-первых, он научился критиковать существующие методы воспитания. Во-вторых, являясь научной дисциплиной, изучающей инстинктивные импульсы, бессознательное и либидо, психоанализ углубляет знания воспитателя о сложных взаимоотношениях ребенка и взрослых. И наконец, будучи методом терапии, детский психоанализ стремится исправить повреждения, нанесенные психике ребенка в процессе воспитания. Приведенный ниже пример служит иллюстрацией ко второму пункту, объясняет отношения между ребенком и взрослым посредством выявления бессознательной подоплеки сознательного поведения.

Одна очень хорошая учительница начала свою карьеру в восемнадцать лет, когда по семейным обстоятельствам была вынуждена покинуть свой дом и стать гувернанткой в семье, в которой воспитывались три мальчика. Воспитание среднего брата представляло собой, серьезную проблему. Он отставал в учебе и казался очень робким, замкнутым и скучным; в семье он играл второстепенную роль, так как родители неизменно предпочитали ему двух его одаренных и более примечательных братьев. Гувернантка направила все свои усилия на воспитание среднего брата и в сравнительно небольшой срок добилась блестящих результатов.

Мальчик был от нее в восторге, привязался к ней больше, чем к кому-либо, стал искренним и дружелюбным в общении. Возрос его интерес к учебе, и за год он прошел курс обучения, рассчитанный на два года. Больше он не отставал от своих братьев. Теперь родители могли гордиться своим ребенком, которым раньше пренебрегали; они стали больше заботиться о нем, и его отношение к ним и к братьям становилось все лучше, пока наконец он не превратился в равноправного члена семьи. Но тут возникло неожиданное затруднение. У гувернантки, кому, собственно, мальчик и был обязан своими успехами, стали возникать такие проблемы в общении с ним, что она разлюбила его. В конце концов ей пришлось покинуть дом, в котором так высоко ценились её качества, из-за того самого ребенка, которого вначале она особенно выделяла из других.

Психоанализ, которому она подверглась примерно через пятнадцать лет, выявил истинные причины происшедшего. В своей собственной семье она ощущала себя нелюбимым ребенком, то есть находилась приблизительно в том же положении, в кото-

ром она застала мальчика в начале своей работы с ним. Благодаря этому сходству судеб она видела себя в этом мальчике, отождествляла себя с ним. Щедро расточаемые ею любовь и забота проистекали из того, что она говорила себе: «Так должны были обращаться со мной, чтобы из меня что-нибудь вышло». Успех, последовавший за ее опытом, нарушил это отождествление. Он превратил ее подопечного в человека, жизнь которого больше не могла ассоциироваться с ее жизнью. Враждебные чувства к нему возникли из зависти; она не могла не завидовать тому успеху, который так и не был достигнут ею самой.

Возможно, вы скажете: хорошо, что гувернантка не подверглась психоанализу в период своей работы с этим учеником, в этом случае она бы не достигла успеха в его воспитании. Но, на мой взгляд, этот успех обошелся слишком дорого. Он был достигнут ценой неудач в работе с теми детьми, страдания которых не напомнили воспитателям об их собственном детстве и потому не вызвали сочувствия. Я полагаю, что мы справедливы в том, что требуем от учителей и воспитателей перед началом своей педагогической деятельности разобраться в собственных проблемах и научиться избегать конфликтов. В противном случае, дети будут служить просто более или менее подходящим материалом для решения собственных проблем воспитателя и проявления его бессознательного.

Но даже когда мы судим о детях, нам нужна помощь психоаналитика, чтобы понять причины их видимого поведения. Примером послужат следующие записи, продиктованные мальчиком в качестве введения в книгу, которую он собирался написать. Этот фрагмент он назвал следующим образом:

Что взрослые делают не так

Послушайте меня, взрослые, если вы хотите хоть что-то знать! Не задирайте нос, что дети, дескать, не умеют делать всего, что делаете вы, взрослые. Они могут большую часть того, что можете вы. Но дети ни за что не станут вас слушаться, если вы будете приказывать им, например: «Ну-ка, марш в постель!» Тогда они ни за что не пойдут, даже не надейтесь. Но если вы скажете то же самое мягко, они тут же повинуются вам. Вам кажется, что вы можете делать все, что вам вздумается, но ведь такого не может быть. И перестаньте наконец твердить: «Ты должен это, ты должен то...» Никто ничего не *должен*, и потому дети тоже не *должны*. Вы думаете, что дети *должны* мыться. Это, конечно же, не так. Тогда вы говорите: «Если ты не будешь мыться, люди скажут; фу, какой же он неряха — и поэтому *ты должен* помыться». Нет, он не должен, но помоеется, чтобы люди не называли его неряхой.

Достаточно сказать ребенку, что ему нужно сделать, и не надо рассуждать о том, как это делается, потому что они и так во всем повторяют за вами и сделают все так, как это делаете вы. И перестаньте без остановки повторять: «Не покупай это, не покупай то, потому что они сами за это платят и поэтому могут покупать все, что им вздумается. И не говорите им: «У тебя это не получится», потому что они умеют многое лучше вас. Вы в это не поверите, но потом будете удивлены. И вообще вы слишком много разговариваете, разрешите ребенку хоть раз вставить слово!

А теперь представим себе, что эти записи нашли в школе и отнесли директору. Он решит, что это опасный ребенок, за которым нужен глаз да глаз. Наведя справки, он бы обнаружил еще более тревожные известия: мальчик богохульствует, говорит о священниках в таких выражениях, которые едва ли можно повторить, подстрекает своих сверстников не мириться ни с каким вмешательством в их жизнь и даже собирается прийти в зоопарк и выпустить на волю всех животных, которые, как он считает, были по несправедливости заключены в клетки. Консервативный учитель из старой школы, конечно, сказал бы: бунтарские настроения этого мальчика должны быть подавлены, пока еще не поздно, иначе в будущем он будет представлять серьезную угрозу для общества. Современный преподаватель, напротив, возложил бы большие надежды на будущее этого ребенка и увидел бы в нем растущего лидера и проводника либеральных идей в массы.

Должна сказать, что оба одинаково ошибаются, и все их дальнейшие действия, основанные на таком понимании данной ситуации, будут ошибочными и неверными. На самом деле этот восьмилетний мальчик просто безобидный маленький трус, который

может испугаться лающей на него собаки и не решается вечером пройти по темного коридору, и, конечно, не способен и мухи обидеть. Его мятежные мысли имеют неожиданное объяснение. В раннем детстве он был страстно предан своим родителям и интенсивно занимался мастурбацией. Это было пресечено запретами и угрозами хирургического вмешательства, которые вызвали сильное потрясение. В результате в нем развились тревожность и опасения за сохранность его половых органов. Как следствие, он начал протестовать против любой власти. Если кто-то обладает властью, рассуждал он, то он был властен также наказывать и кастрировать. А следовательно, надо уничтожить саму возможность существования земной или небесной власти. И чем сильнее был его страх, тем больше он пытался преодолеть его крикливыми и бессмысленными нападениями на власть имущих.

Впрочем, это был не единственный его способ защиты. Хотя он и строил из себя атеиста, страх каждый вечер заставлял его вставать на колени и молиться. Он рассуждал так: «Разумеется, Бога нет. Но все-таки он может существовать, и в любом случае не помешало бы слушаться Его».

Важно понять, что этот мальчик в будущем не станет ни инициатором либеральных идей, ни угрозой для общества и что в чем действительно нуждался, так это не в восхищении, не в суровых мерах и запретах, а в снятии страхов. Только это могло освободить его от невротического поведения и дать ему почувствовать, что во взрослой жизни он будет способен развлекаться и работать наравне со всеми.

Психоаналитический метод лечения, которым можно достигнуть этой цели, представляет собой третий способ содействия воспитанию детей. Но описание этого метода терапии, то есть детского психоанализа, увело бы нас далеко за пределы нашего курса.